

В. О. Белоносов

О ГИПЕРАКТИВНОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ

© **Белоносов Владимир Олегович** (vladimirbelonosov@yandex.ru), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Толкование норм права в системе теоретической и практической деятельности в сфере уголовного судопроизводства». Автор 131 научной работы, в том числе монографии: «Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права России» (2006). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности» (2016).

Область научных интересов: толкование норм уголовно-процессуального права.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются изменения, произошедшие в уголовно-процессуальном законодательстве в 2018 году. Данная статья является логическим продолжением серии статей, в которых автор подвергает ежегодному анализу производимые изменения в этой отрасли права с целью оценить эффективность вновь вводимого уголовно-процессуального регулирования и его характеристик. Рассматриваются свойства гиперактивного законотворчества.

Констатируется, что, несмотря на чрезмерно большое количество изменений, вводимых в УПК РФ, он не становится лучше, а его репрессивность усиливается. В нем увеличивается количество изъянов, что порой даже заставляет некоторых авторов говорить о принятии нового УПК. Высказывается несогласие с такой позицией и предлагается если уж не ввести мораторий на внесение изменений в УПК, то резко их сократить.

Изменения в УПК следует вносить не конъюнктурным гиперактивным законотворчеством, а вдумчивым, фундаментальным, комплексным подходом с предварительным широким обсуждением. В качестве образца предлагается рассмотреть УПК Франции, где уголовно-процессуальные отношения изложены более полно и демократично.

Ключевые слова: уголовный процесс, гиперактивное законотворчество, федеральный закон, изменения, статья, пробел, противоречие.

Цитирование. Белоносов В. О. О гиперактивном уголовно-процессуальном законотворчестве // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 43–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-43-50>.

V. O. Belonosov

ON HYPERACTIVE CRIMINAL PROCEDURE LAW-MAKING

© Belonosov Vladimir Olegovich (vladimirbelonosov@yandex.ru), Doctor of Law, associate professor, professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Interpretation of the norms of law in the system of theoretical and practical activities in the field of criminal justice». Author of 131 scientific works, including monograph: «Problems of interpretation of norms of criminal procedure law of Russia» (2006). A number of scientific papers written in collaboration: «Problems of modern domestic criminal process, judicial and prosecutorial activity» (2016).

Research interests: Interpretation of the rules of criminal procedure.

ABSTRACT

The article analyzes the changes that have occurred in the criminal procedure legislation in 2018. This article is a logical continuation of a series of articles in which the author makes an annual analysis of the changes made in this branch of law in order to assess the effectiveness of the newly introduced criminal procedure regulation and its characteristics. The properties of hyperactive lawmaking are considered.

It is stated that, despite the excessively large number of changes introduced into the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, it does not get better, and its repressiveness is increasing. It increases the number of flaws, which sometimes even causes some authors to talk about the adoption of a new Criminal Procedure Code. There is disagreement with this position and it is proposed that, if we do not introduce a moratorium on introducing amendments to the Code of Criminal Procedure, then we will drastically reduce them.

Changes to the Code of Criminal Procedure should not be made by a conjuncture hyperactive lawmaking, but by a thoughtful, fundamental, integrated approach with preliminary extensive discussion. As a model, it is proposed to consider the Criminal Procedure Code of France, where criminal procedure relations are described more fully and democratically.

Key words: criminal procedure, hyperactive lawmaking, federal law, changes, article, gap, contradiction.

Citation. Belonosov V. O. *O giperaktivnom ugolovno-protsessual'nom zakonotvorchestve* [On hyperactive criminal procedure law-making]. *Iuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 4, pp. 43–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-43-50> [in Russian].

Мы продолжаем внимательно следить за вносимыми в УПК РФ ежегодными [1; 2] изменениями с целью определения эффективности вновь вводимого уголовно-процессуального регулирования и его качественных характеристик. Такое внимание было вызвано принятием в 2014 году 31 федерального закона и 4 постановлений Конституционного Суда, которые внесли существенное количество изменений, чем сильно дестабилизировали уголовно-процессуальное законодательство. В тот год законодательство менялось ежемесячно 2,9 нормативного правового акта. Такое явление мы охарактеризовали как гиперактивное уголовно-процессуальное законодательство. Было обращено внимание, что оно непохоже на классическое усовершенствование законов, описанное в теории права, а обладает своими специфическими свойствами.

Во-первых, оно необязательно решает проблему несовершенства закона, но, как правило, его усложняет, добавляя неоднозначные характеристики. За 17 лет своего существования (декабрь 2001 – декабрь 2018) УПК РФ изменялся 246 законами и корректировался 27 постановлениями Конститу-

ционного Суда Российской Федерации, а в целом 273 нормативно-правовыми актами. В результате мы получили принципиально другой УПК, коренным образом отличающийся от принятого в 2001 г., в котором каждая норма изменена в среднем не менее 4 раз, а некоторые (статьи 31, 39, 150, 151 и др.) – ежегодно по несколько раз.

Во-вторых, с 2010 г. можно говорить о гиперактивном законодательстве, когда существенно возросло количество вносимых в УПК РФ изменений. Так, если в первые годы действия УПК РФ количество принимаемых законов в год исчислялось единицами, то в 2010 г. принято 25 законов, в 2011-м – 21, 2012-м – 18, 2013-м – 27, 2014-м – 31, 2015-м – 17, 2016-м – 19, 2017-м – 18, 2018-м – 20.

В-третьих, настораживает практика принятия по несколько законов, изменяющих УПК РФ, в день. Например, по 6 законов (как это было 23 июля 2013 г., 5 мая 2014 г., 27 декабря 2018 г.), по 7 законов (21 июля и 31 декабря 2014 г., 3 июля 2016 г.), не говоря о большом количестве случаев принятия от 2 до 5 законов в день. Не является ли это свидетельством поточного метода или выполнения какого-то плана, особенно если такие даты

приходится на конец года? И можно ли быть уверенным, что такие изменения хорошо подготовлены? А ведь именно таким способом принято 63 % законов.

Хотя после 2014 г. количество законов, вносящих изменения в УПК РФ, стало снижаться, тем не менее оно продолжает оставаться стабильно высоким и неустойчивым. А в 2018 г. по сравнению с 2017 г. опять отмечен рост законодательства, который составил 1,7 закона ежемесячно, что свидетельствует о нестабильности уголовно-процессуального законодательства, которая отрицательным образом сказывается на правоприменении, обучении, издании учебной литературы.

Сложность создавшегося положения осознается даже законодателем. 22 апреля 2016 г. в Совете Федерации было проведено парламентское слушание по вопросу усовершенствования УПК. Его участники не только согласились с имеющимися трудностями, но и признали, что хаотичное внесение поправок в уголовно-процессуальное законодательство в последние годы нарушает его внутреннюю логику, искажает смысл норм и институтов, зачастую отражает ведомственные интересы, что подрывает стабильность законодательства и уважительное отношение к закону [3, с. 11].

Кроме констатации неудовлетворительного положения дел депутаты высказали предложение ужесточить практику внесения изменений в УПК – не более 1 раза в год. И пообещали, что это предложение способно произвести революцию в современном уголовном процессе. Конечно, никто от сенаторов никакой революции всерьез не ожидал, ибо сенаторы и революция – вещи несовместимые. Но и обещанного ужесточения уголовно-процессуального законодательства посредством внесения поправок в УПК не более 1 раза в год тоже не получилось. Трудно требовать от законодательной власти выполнения своих обещаний, даже опубликованных в юридической литературе. Здесь, видимо, действуют причины неправового характера. А в итоге мы продолжаем иметь неприглядные явления, отмеченные сенаторами: нарушение законодательной логики, бессистемность, хаотичность, ведомственные интересы, нестабильность законодательства.

Из 20 законов, принятых в 2018 г., только 4 можно назвать демократическими, так как они увеличивают права граждан, с которыми можно согласиться с некоторыми оговорками.

1. Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ внес изменения в связи с избранием и применением мер пресечения в виде *запрета определенных действий*, что в целом демократично, так как избрание альтернативных заключению под стражу мер пресечения содействует обеспечению прав личности.

Однако этот закон порождает некоторые сомнения, кто будет контролировать запреты определенных действий, перечисленные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ:

– выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения;

– нахождение в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещение определенных мероприятий, участие в них;

– общение с определенными лицами;

– отправление и получение почтово-телеграфных отправлений;

– использование средств связи и сети Интернет.

Неясные ответы, перечисленные в п. 11 этой же статьи, только усиливают подозрения, что сами правоохранительные органы и должны контролировать эти ограничения. Но у них нет для этого реальных возможностей. Да и законодатель в ч. 8 данной статьи перечисляет случаи, когда можно нарушить эти запреты в чрезвычайных ситуациях. Откуда тогда уверенность, что нарушения запретов со стороны обвиняемых будет иметь место только в чрезвычайных ситуациях?

Несмотря на положительные характеристики этих мер, они рождают смутные сомнения, что данный закон не до конца хорошо проработан в плане практического применения этих мер. Хотелось бы ошибиться, но боюсь, что все сведется либо к поверхностно-формальному контролю, либо к слабому использованию этих демократичных средств. Для подтверждения последнего предположения можно обратиться к пояснительной записке к этому закону, где депутаты жалуются на слабое использование таких демократичных мер пресечения, как залог и домашний арест, доля которых мала и составляет 0,42 и 2,43 % соответственно от общего числа удовлетворенных ходатайств об избрании мер пресечения, применяемых по решению суда. Видимо, такая же перспектива слабого применения ожидает и запрет определенных действий.

2. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ вводит обязательность аудиозаписи судебного заседания; введение автоматизированной информационной системы формирования состава суда; введение помощника судьи (по аналогии с арбитражно-процессуальным кодексом).

Согласно этим нововведениям, у граждан появляются дополнительные возможности для защиты своих прав. Например, знакомиться с аудиозаписью судебного заседания и подавать на нее замечания (ч. 7 ст. 259 УПК РФ). О важности аудиозаписи для обжалования приговоров в вышестоящих судебных инстанциях говорилось не только в юридической литературе [4], но и Конституционный и Верховный суды РФ также ориентировали суды всех уровней на возможность использования технических средств для обеспечения полноты протокола при наличии такой возможности [5, 6].

А Федеральный закон от 28 марта 2017 г. № 46-ФЗ внес дополнение в ч. 5 ст. 259 УПК РФ, допускающее возможность осуществления в ходе судебного разбирательства фотографирования, аудио-, видеозаписи, киносъемки допросов, трансляции по радио, телевидению или в сети Интернет. И вот теперь логическое продолжение этой тенденции реализовалось в установлении обязатель-

ной аудиозаписи судебного заседания, что имеет положительное значение.

А другое нововведение этого закона настоятельно требует, так как от усмотрения судьи у нового участника судебного разбирательства – помощника судьи – могут появиться нетипичные для него полномочия по производству процессуальных действий в судебном разбирательстве (ч. 1 ст. 266 УПК РФ). Представляется, что наделение полномочиями по производству процессуальных действий разного рода вспомогательного и технического персонала не является конструктивным.

3. Определенный вклад в возможность укрепления прав граждан посредством сокращения прокурорского произвола вносит Федеральный закон от 12 ноября 2018 года № 411-ФЗ, принятый во исполнение Постановления Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 года № 28-П и направленный на регламентацию правоотношений, касающихся вынесения постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), а потом его отмены.

Практике известны неединичные случаи неоднократных прекращения уголовных дел (уголовных преследований), а потом их возобновлений, длящиеся годами. Конституционный Суд инициировал вопрос о необходимости внесения ясности в эти неоднозначные явления. Данным законом установлен годичный срок, в течение которого прокурор, руководитель следственного органа могут отменить постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). После истечения этого срока такая возможность предоставляется только суду.

Это нечастый случай, когда закон заслуживает полной поддержки ввиду его демократического характера и реализации постановления Конституционного Суда РФ.

4. Небольшие права гражданам добавляет Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ, который говорит о возможности изменения территориальной подсудности, если имеются обстоятельства, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда при принятии решения по делу (пп. в, п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК). Хотя это и неплохо, так как данный закон все же добавляет права гражданам в борьбе с возможной необъективностью суда, но при этом скромное процессуальное действие (изменение территориальной подсудности) мотивируется глобальными причинами (обстоятельства, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда при принятии решения по уголовному делу). К сожалению, у граждан могут быть очень часто обоснованные сомнения в объективности и беспристрастности суда, но изменение территориальной подсудности в этих причинах занимает минимальную роль. Отсюда следует, что данный закон вносит практически несущественный вклад в регулирование уголовно-процессуальных отношений.

Остальные 16 законов прав гражданам не добавляют, но усиливают репрессивно-ограничитель-

ные тенденции. Самой многочисленной группой среди этих законов является та, которая изменяет подследственность и подсудность в связи с появлением новых статей в УК РФ. Таких законов 6. Как правило, эти изменения не привносят ничего принципиально нового, являясь сомнительными по своему содержанию.

1. Федеральный закон от 23 апреля 2018 года № 99-ФЗ установил подследственность по новым преступлениям, предусмотренным ст. 200.4, 200.5 УК РФ.

2. Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 114-ФЗ изменил подследственность в связи с упразднением ст. 269 УК РФ (нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов), т. к. предусмотрена отдельная ответственность за нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов (ст. 217 УК РФ).

3. Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ внес изменения в подследственность в связи с изменениями ст. 253, 256, 258 УК РФ.

4. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ изменил подследственность в связи с усилением репрессивности ст. 215.3 УК РФ.

5. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ изменил подследственность в связи с появлением ст. 200.6 УК РФ. Кстати, в 2018 году ст. 200 УК РФ менялась 3 раза, что свидетельствует о гиперактивном законотворчестве.

6. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ изменил подследственность в связи с появлением ст. 172.3 УК РФ.

Появление данных 6 законов является вынужденной мерой, связанной с появлением новых составов преступлений в УК РФ, по отношению к которому УПК РФ имеет прикладное значение. Поэтому мы вынужденно соглашаемся с принятием этих законов, но высказываем следующие замечания. Настораживает, что Федеральный закон № 530-ФЗ в ст. 160¹ УПК возлагает на следователя (дознателя) не совсем привычные обязанности: меры по *установлению* такого имущества, *сопоставление* его стоимости с исковыми требованиями, а если имущество находится за границей – подготовку *запроса* в соответствии с главой 53 УПК РФ. Мы считаем, что предпочтительнее спорное имущество не «устанавливать» (этот глагол придает излишние властно-распорядительные полномочия относительно происхождения такого имущества), а «выявлять и фиксировать» в процессуальных документах. Очень сомнительно полномочие следователя «сопоставлять» стоимость имущества с исковыми требованиями, так как следователь не является компетентным субъектом в экономических вопросах. А полномочие следователя подготовить запрос, если имущество находится за границей, для возможной конфискации – это иллюзия борьбы с преступностью ввиду отсутствия эффективных форм взаимодействия с правоохранительными органами зарубежных го-

сударств и сложными взаимоотношениями с Россией на международной арене.

Оставшиеся 10 законов имеют различную степень репрессивности, не добавляя никаких прав гражданам, отвечая узковедомственным интересам правоприменителей.

1. Закон от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ урегулировал вопрос о предельных сроках содержания под стражей на досудебной стадии, но при этом речь идет не о предварительном расследовании, а о периоде нахождения уголовного дела у прокурора. Обычно этот период презюмировался небольшим, но теперь оказалось, что он может длиться до 30 суток.

Если срок содержания под стражей в период предварительного расследования исчисляется до направления уголовного дела прокурору, то и стадия предварительного расследования тоже должна заканчиваться в момент направления уголовного дела прокурору, но об этом в законе ничего не говорится, что рождает противоречие. Какая стадия наступает за предварительным расследованием, которая может продолжаться до 30 суток и не является судебной?

Этот закон принят в интересах прокуратуры, так как добавляет ей полномочия. При этом утратила силу ч. 2.1 ст. 226 УПК, введенная Федеральным законом от 5 июня 2012 г. № 53-ФЗ (просуществовавшая всего 6 лет), что является свидетельством недолговечности и хаотичности законодательства. Несмотря на указанные замечания, данный закон заслуживает определенной поддержки.

2. Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 31-ФЗ изложил в новой редакции п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК, усилив невозможность отсрочки исполнения приговора беременным женщинам и родителям малолетних детей.

Во-первых, данным законом устранено противоречие между уголовно-процессуальным и уголовным кодексами. Если с момента своего принятия в 2001 г. УПК РФ говорил о малолетних детях, то Уголовный кодекс – о ребенке. Теперь, через 17 лет после своего принятия, ст. 398 УПК тоже говорит о малолетнем ребенке. В целом это неплохо.

Во-вторых, репрессивность законодательства усилилась из-за введения дополнительных ограничений ввиду невозможности отсрочки за преступления террористической направленности.

Хотя данный закон и устраняет противоречие с УК РФ, но он усиливает репрессивность в интересах правоприменителей. Является ли он эффективным? Очень неоднозначно. Поэтому поддержки данный закон не заслуживает.

3. Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 96-ФЗ внес дополнение в п. 18 ст. 397 УПК, устраняющее пробел, связанный с уклонением осужденного к принудительным работам от получения предписания, неприбытия к месту наказания в установленный срок. Это вынужденное изменение, связанное с новой редакцией ч. 6 ст. 53.1 УК РФ, допускающей признание осужденного к принудительным работам злостным нарушителем

порядка и условий отбывания наказания. Из-за своего только формального характера данный закон не заслуживает поддержки.

4. Относительно небольшой Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 205-ФЗ можно назвать ярким примером формально-бюрократического закона, заботящегося не о содержании, а о форме.

Общеизвестно, что подозреваемый вправе получать копию постановления о возбуждении *против него* уголовного дела. Новым законом формулировка «против него» упразднена. Если дело возбуждается не против личности, а по факту (таких случаев подавляющее большинство), то это давало формальное право следователям отказывать подозреваемому в получении соответствующего постановления.

Может быть, неплохо, что это формальное противоречие устранено, но оно никак не отражается на борьбе с преступностью, а потому можно констатировать, что польза от закона минимальна, поддерживать такой закон нельзя.

5. Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ внес существенные изменения в процессуальный порядок деятельности судов в связи с созданием кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, а также кассационных и апелляционных военных судов в связи с принятием Федерального конституционного закона от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции».

Этими кардинальными изменениями определена инстанционность уголовного судопроизводства, разграничены полномочия по рассмотрению уголовных дел в апелляционном и кассационном порядке между судами, установлена компетенция создаваемых судов, регламентирован кассационный пересмотр вступивших в законную силу судебных решений.

Предыдущие кардинальные изменения судебной системы были 5 лет назад (в 2013 году). Не слишком ли часто кардинально меняется судебная система? Не нарушает ли это стабильность законодательства, правоприменения, обучения? И действительно ли эти изменения к лучшему? И в интересах кого предприняты эти изменения, как это повлияет на уровень преступности? На эти риторические вопросы ответ может дать только время. Тем не менее данный закон заслуживает поддержки ввиду нацеленности на будущие возможные положительные изменения. Хотя надежда не является лучшим мотивировочным фактором.

6. Федеральный закон от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ ввел в уголовное судопроизводство нового участника, похожего на свидетеля – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, которому посвящена ст. 56.1 УПК. Хотя этот закон

принят в целях реализации Постановления Конституционного Суда от 20 июля 2016 г., а потому заслуживает скромного одобрения, тем не менее ряд полномочий этого субъекта вызывает сомнение.

Например, ч. 2 ст. 56.1 УПК говорит, что лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, наделяется правами, предусмотренными ч. 4 ст. 56 УПК, с изъятиями, предусмотренными настоящей статьей. Но в ст. 56.1 УПК ничего не говорится о жалобах, а в ч. 4 ст. 56 УПК свидетель вправе приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, что несовместимо с сотрудничеством. Такое противоречие свидетельствует о недостаточной проработанности нового закона.

7. Федеральный закон от 12 ноября 2018 г. № 413-ФЗ изменил наименование окружных военных судов.

При появлении Дальневосточного окружного военного суда (введенного Федеральным законом от 7 июня 2017 года № 115-ФЗ и носившего это наименование только полтора года) мы уже обращали внимание на противоречие между наименованиями окружных военных судов (Дальневосточный, Московский, Приволжский и Северо-Кавказский) и военных округов (Восточный, Западный, Северный, Центральный, Южный) [7, с. 18].

Теперь данное противоречие устранено, они получили наименование 1-го Восточного, 2-го Западного, Центрального, Южного окружных военных судов. Но почему-то при этом два суда получили в названии числительные. Законы логики заставляют поставить вопрос, нельзя ли по здравому смыслу либо убрать числительные (что более предпочтительно), либо всем названиям присвоить числительные? Да и вообще неоднократно переименовывать окружные военные суды без внесения соответствующих изменений в Федеральный конституционный закон «О военных судах в РФ» нелогично. В силу указанных причин мы не можем поддержать данный закон.

27 декабря 2018 года отметился в истории уголовно-процессуального законодательства тем, что в этот предпоследний рабочий день года принято 6 законов с подозрительной нумерацией от 509 до 552 (3 закона об изменении подсудности и подсудственности мы выше уже рассмотрели). Закономерен вопрос, является ли это выполнением плана под конец года? Насколько эти законы хорошо проработаны и в чьих интересах приняты?

8. Федеральный закон № 533-ФЗ ввел следующие поправки:

а) в очередной раз дополнено понятие уголовных дел частного-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ);

б) расширены основания для прекращения уголовного преследования по ст. 28.1 УПК РФ;

в) дополнен порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере эконо-

мики (ст. 81.1 УПК РФ), порядок заключения под стражу (ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ), добавлена ст. 164.1 (особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий).

Все перечисленные нововведения связаны с детализацией и конкретизацией существующих уголовно-процессуальных отношений. Формулируются не столько правила, сколько исключения из правил и исключения из исключений, которые на практике представляют особую трудность в правоприменении. Трудность усиливается в связи с констатацией законодателя, что некоторые положения носят необязательный характер.

Например, по общему правилу при производстве по уголовному делу изъятие электронных носителей информации не допускается. Но в определенных случаях (пп. 1–3 ч. 1 ст. 164.1 УПК) они все же могут быть изъяты. При изъятии носителей информации по ходатайству владельца информация может быть скопирована. Но в определенных случаях (п. 3 ч. 1 ст. 164.1 УПК) она не копируется, в том числе «если информация может быть использована для совершения новых преступлений». Это термин не только сильно оценочный, который прямо нарушает право интеллектуальной собственности, но и таящий большие угрозы злоупотреблений, что неоднократно подтверждалось практикой по так называемым резонансным, громким делам.

В целом в этих мелких, несущественных изменениях заинтересованы только правоприменители. От указанных нововведений польза сомнительная, а вред явный, в силу чего сложно поддержать этот закон.

9. Федеральный закон № 543-ФЗ вызывает недоумение, когда при дополнении ч. 8 ст. 109 УПК РФ (сроки содержания под стражей) указывает, что «в ходатайстве должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие необходимость дальнейшего применения меры пресечения в виде заключения под стражу». Как будто бы ходатайство не должно быть мотивированным, а потому не должно содержать всю необходимую информацию с указанием конкретных фактических обстоятельств уголовного дела. Отсюда следует, что данный закон не привнес ничего принципиально нового в правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений. Но и в такой редакции закон просуществовал всего 7 месяцев и 02.08.2019 был изменен Федеральным законом № 315-ФЗ, что свидетельствует о гиперактивном характере уголовно-процессуального законодательства, которое сложно поддержать.

10. Федеральным законом № 552-ФЗ внесен ряд изменений в ст. 432 (освобождение судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия или направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа). Во-первых, из наименования «комиссии по делам несовершеннолетних» исчезло уточнение

«образованная органом местного самоуправления»; во-вторых, теперь мотивированное представление администрации детского учреждения должно быть согласовано с комиссией по делам несовершеннолетних. Указанные формально-бюрократические изменения никоим образом не влияют ни на эффективность уголовно-процессуального регулирования, ни на увеличение прав граждан, в силу чего сложно данный закон поддерживать. А в целом все законы, принятые 27 декабря 2018 г., отличаются нацеленностью на решение формальных, а не сущностных аспектов уголовно-процессуального регулирования.

Таким образом, из 20 принятых в 2018 г. законов 4 закона (20 %) носят демократичный характер, так как добавляют права гражданам. Другие 16 законов (80 %) прав гражданам не добавляют, но усиливают репрессивно-ограничительные тенденции и приняты в интересах правоприменителей. Печально, что по сравнению с 2017 г. репрессивность законодательства увеличилась с 73 [7, с. 17] до 80 %. Преобладание интересов ведомств не содействует стабильности законодательства, не способствует уважительному отношению к закону.

Подавляющее большинство законов (14 из 20) имеют неоднозначный характер ввиду того, что недостаточно проработаны, порождают противоречия, не решают по сути проблем уголовно-процессуального регулирования, а пытаются что-то формально изменить, из-за чего не заслуживают нашего одобрения. Гиперактивное законодательство необязательно улучшает состояние законодательства, устраняет пробелы, противоречия, придает правовую определенность. Но зато эту деятельность нередко сопровождают недостаточная проработанность, бессистемность, хаотичность, игнорирование мнения ученых, безответственность за конечный результат нормотворчества, недолговечность принимаемых поправок и др. Да и депутаты сами озвучили многие причины: нарушение внутренней логики, искажение смысла норм и институтов, ведомственные интересы, процедурная легкость принятия законов. По своей сути гиперактивное законодательство больше похоже на шараханье из стороны в сторону, прыжки на месте. Даже в советское время гиперактивного законодательства не было.

Отсюда следует, что лучше уж все оставить как есть, все равно УПК РФ действует. Поэтому заслуживают поддержки предложения о введении моратория на изменения УПК РФ или резкого их сокращения. В этих условиях не может быть речи о принятии нового УПК.

Исправлять несовершенства УПК надо не конъюнктурным гиперактивным законодательством, а вдумчивым, кропотливым, фундаментальным и комплексным подходом. Начать надо с широкого коллегиального обсуждения, какой мы хотим видеть уголовную политику государства. Вопросы эти должны обсуждаться без спешки и не в кризисное, нестабильное время. В любом случае эти вопросы должны решать не те депутаты, которые так гиперактивно искромсали УПК РФ.

В качестве образца для подражания можно обратиться, например, к УПК Франции [8], стране, к которой неоднократно обращалась отечественная юридическая мысль. О том, что этот нормативный акт лучше проработан, свидетельствуют следующие факты:

- если вопросам исполнения приговора посвящена гл. 47 УПК РФ, состоящая из 6 статей, то в УПК Франции вопросы исполнения наказаний регламентируются 416 статьями закона и 206 статьями декретов Государственного Совета, а в целом 622 статьями;

- если вопросы международного сотрудничества регламентируются гл. 55.1 и Частью пятой УПК РФ (всего 28 статей), то в УПК Франции этому направлению деятельности посвящено 152 статьи в Пятой книге;

- если судебным издержкам в УПК РФ посвящено 2 статьи, то в УПК Франции – 142 статьи;

- если судимости в УПК РФ посвящена 1 статья, то в УПК Франции – 59.

Главной отличительной особенностью УПК Франции является не только более подробная, но и демократичная регламентация уголовно-процессуальных отношений, дающая права различным субъектам.

Подробность и тщательность регламентации уголовно-процессуальных отношений в УПК Франции объясняется более широким подходом к пониманию их сущности как деятельности суда, прокурора и других субъектов в ходе судебного разбирательства. И если в отечественном правоведении эти отношения находятся в различных отраслях права, это совсем не означает, что они утратили свою уголовно-процессуальную природу, на что неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [9, с. 16; 10].

Рассмотренные вопросы свидетельствуют о том, что внимание к уголовно-процессуальному законодательству не должно ослабевать.

Библиографический список

1. Белоносов В. О. Изменения уголовно-процессуального законодательства в 2016 году // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сб. материалов всерос. науч. практ. конф. (57-е криминалистические чтения). М.: Академия управления МВД России, 2016. С. 100–108. URL: <http://portal.kifsin.ru/kriminalistika/1056-ugolovnyy-process-i-kriminalistika-teoriya-praktika-didaktika-sb-matervserosnauch-praktkonferencii-57-e-kriminalisticheskie-chteniya.html>.
2. Белоносов В. О. Уголовно-процессуальное законодательство в 2017 году // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 100–104. URL: <https://journals.ssau.ru/index.php/jjsu/article/view/6049>.
3. Качалова О. В. Уголовному процессу обещают перемены // Уголовный процесс. 2016. № 6. С. 11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26099777>.
4. Дьяконова О. Г., Щепотинин П. В. О необходимости введения «обязательного» видеопотоколирования судебного заседания // Российская

юстиция. 2016. № 6. С. 55–57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26153413>

5. Определение Конституционного Суда РФ от 7 июля 2016 г. № 1434-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-ки Закочуриной О. В. на нарушение ее конституционных прав ч. 7 ст. 259 и ст. 389.34 УПК РФ».

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о допуске к информации о деятельности судов» // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 3. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/newsletters/1829>.

7. Белоносов В. О. Об актуальных проблемах уголовно-процессуального законотворчества // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 2. С. 15–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35154106>.

8. Code de procedure pénale. Dernière modification de 01 septembre 2017 – Document généré le 08 septembre 2017. Copyring (C) 2007–2017 Legifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071154>.

9. Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2006. 187 с.

10. Маликова Н. Б. Процессуальные нормы уголовно-исполнительного права и их функции при исполнении лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань: Акад. права и управ. ФСИИ, 2005. 27 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15825745>.

References

1. Belonosov V. O. *Izmeneniya ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva v 2016 godu* [Changes in the criminal procedure legislation in 2016]. In: *Ugolovnyi protsess i kriminalistika: teoriya, praktika, didaktika: sb. materialov vseros. nauch. prakt. konferentsii (57-e kriminalisticheskie chteniya)* [Criminal procedure and criminalistics: theory, practice, didactics: collection of materials of all-Russian research and practical conference (57 forensic readings)]. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2016, pp. 100–108. Available at: <http://portal.kifsin.ru/kriminalistika/1056-ugolovnyy-process-i-kriminalistika-teoriya-praktika-didaktika-sb-materialov-vseros-nauch-prakt-konferentsii-57-e-kriminalisticheskie-cheniya.html> [in Russian].

2. Belonosov V. O. *Ugolovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo v 2017 godu* [Criminal procedure legislation in 2017]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2017, vol. 3, no. 4, pp. 100–104. Available at: <https://journals.ssau.ru/index.php/jjsu/article/view/6049> [in Russian].

3. Kachalova O. V. *Ugolovnomu protsessu obeshchayut peremeny* [Promises to change the criminal

process]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Process], 2016, no. 6, p. 11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26099777> [in Russian].

4. Dyakonova O. G., Schepotinin P. V. *O neobkhodimosti vvedeniya «obyazatel'nogo» videoprotokolirovaniya sudebnogo zasedaniya* [The need to introduce «mandatory» videologging of the hearing]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2016, no. 6, pp. 55–57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26153413> [in Russian].

5. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 7 iyulya 2016 g. № 1434-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby gr-ki Zakochurinoi O. V. na narushenie ee konstitutsionnykh prav ch. 7 st. 259 i st. 389.34 UPK RF»* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dd. July 7, 2016 № 1434-O “On the refusal to accept for consideration the complaints of Mrs. Zakochurina O.V. for violation of her constitutional rights, Part 7 of the Article 259 and Article 389.34 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation] [in Russian].

6. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 13 dekabrya 2012 g. № 35 «Ob otkrytosti i glasnosti sudoproduktstva i o dopuske k informatsii o deyatel'nosti sudov»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of December 13, 2012 № 35 «On the openness and transparency of legal proceedings and on admission to information on the activities of courts»]. *Byulleten' VS RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2013, no. 3. Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/newsletters/1829> [in Russian].

7. Belonosov V. O. *Ob aktual'nykh problemakh ugolovno-protsessual'nogo zakonotvorchestva* [About the actual problems of criminal-procedural legislation]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2018, no. 2, pp. 15–22. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35154106> [in Russian].

8. Code de procedure pénale. Dernière modification de 01 septembre 2017 – Document généré le 08 septembre 2017. Copyring (C) 2007–2017 Legifrance. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071154> [in French].

9. Tulianski D. V. *Stadiya ispolneniya prigovora v ugolovnom sudoproizvodstve* [Stage of execution of sentence in criminal proceedings]. M.: Yurлитinform, 2006, 187 p. [in Russian].

10. Malikova N. B. *Protsessual'nye normy ugolovno-ispolnitel'nogo prava i ikh funktsii pri ispolnenii lisheniya svobody: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedural norms of criminal-executive law and their functions in the execution of imprisonment: author's abstract of Candidate's of Juridical Sciences thesis]. Ryazan: Akad. prava i uprav. Fed. suzhby ispol. nakazanii, 2005, 27 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15825745> [in Russian].